

Отзыв официального оппонента на диссертацию И. Б. Беловой «Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг. (По материалам Центральные губерний Европейской России)» (Брянск, 2015), представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история).

Проблематика массовых миграций в России уже не является новой. Тем не менее, с попыткой комплексного исследования вынужденных миграций такого территориального и временного охвата мы сталкиваемся впервые. В исследовании И.Б. Беловой охвачена громадная территория Центральной России и части Белоруссии, являющаяся эпицентром сложнейших миграционных коллизий эпохи войн и революций на протяжении более 10 лет. События, захватившие вынужденных мигрантов, протекали на фоне разгула различных форм военного и социального насилия. За влияние на беженцев и военнопленных боролись самые различные политические и общественные силы не только в России, но и за рубежом. Положение вынужденных мигрантов оказывалось весьма сложным, зачастую трагическим.

Данная тематика, к сожалению, остается весьма актуальной. Интенсивность миграционных потоков (в том числе и связанных с военными действиями) в наше время не ослабевает.

К сожалению, историки до сих пор имеют весьма слабое представление об объеме задач, которых пришлось решать государству и общественности в связи с вынужденными миграциями. Исследователи обычно ограничиваются изучением одной из двух основных категорий вынужденных мигрантов – либо беженцами, либо военнопленными, забывая, что были еще и эвакуированные, и депортированные, направление миграционных потоков постоянно менялось, поскольку интересы центральных и местных властей то и дело не совпадали. Как правило, отдельно рассматриваются военнопленные русской армии и вынужденно оказавшиеся в России комбатанты Центральных держав и Турции. Как результат, цельного представления о

воздействии миграционных потоков на общественно-политическую и социально-экономическую жизнь России не сложилось. Нет четкого представления об эффективности деятельности тех или иных – государственных и общественных, центральных и местных структур – в этой области. Несколько больше мы знаем о социокультурной ситуации внутри сообществ беженцев и военнопленных, психологии этих маргиналов поневоле, но и здесь ситуация далека от ясности. Немаловажное значение имеет и вопрос об отношении местного населения к вынужденным мигрантам: на этой основе можно получить дополнительную информацию о социально-психологическом состоянии российского общества в целом. И.Б. Беловой сделан важный шаг в направлении комплексного изучения проблемы вынужденных экстремальными обстоятельствами миграций.

Институциональная и сюжетная многогранность данного диссертационного исследования обусловила сложность его построения. В целом в работе представлен скорее хронологический и институциональный, нежели проблемный принцип изложения материала. По-видимому, иначе на данной стадии исследовательской деятельности и быть не могло, поскольку каждому этапу масштабной военно-революционной миграционной эпопеи соответствовали свои особые – центральные и местные – институты (имперские, «демократические», советские), так или иначе занимавшиеся обустройством и трудоустройством беженцев, военнопленных, депортированных, переселенцев.

В 1914 – 1925 гг. Россия не просто воевала – страна «сдвинулась с места» в цивилизационно-пространственном отношении. Предложенные в диссертации подходы помогают по-новому взглянуть на историю Первой мировой войны – первой тотальной войны в истории народов.

Во введении автором обоснована актуальность исследования, определены его цель и задачи, сформулированы объект и предмет, очерчены хронологические и территориальные рамки.

Следует сразу заметить, что задача изучения *всех* миграционных потоков настолько нова и необычна и сложна, что нелегко даже точно обозначить предмет исследования. Действительно, в данной работе охвачены и военнопленные (в том числе и российские), изучать которых, вроде бы, не так сложно, и стихийные мигранты, проследить за которыми намного труднее. И.Б. Белова объединяет их понятием *вынужденные* мигранты. Учитывая многозначительность термина, характеризующего все стороны явления, такое определение является наиболее корректным. В конечном счете, нас интересуют общероссийские (частично общеевропейские) институционные и социокультурные подвижки, связанные с гигантскими миграционными волнами. В связи с этим сюжетное дробление проблематики не всегда оправдано.

Поскольку исследование И.Б. Беловой носит комплексный характер, трудно определить его историографический «жанр»: помимо истории собственно миграций, каритативных реакций на них со стороны государства и общественности, в нем можно найти и институциональный анализ происходящего, и элементы локальной истории, и истории повседневности, и истории массовой психологии экстремальных ситуаций. Конечно, на данной стадии изучения проблематики предпочтительнее начинать с соответствующих — государственных и общественных — институтов, создаваемых в спешном порядке.

В общем, данное диссертационное исследование несет в себе не только конкретно-исследовательскую значимость, но и позволяет серьезно скорректировать общие представления о течении грандиозного системного кризиса, поразившего Россию, а равно и его влиянии на внешний мир. При этом отчетливо обозначаются наиболее перспективные направления исследовательской деятельности.

В 1-й главе «Историографические и источниковедческие проблемы исследования» обстоятельно и подробно (иногда даже слишком детально) оценивается степень научной разработанности проблематики миграций и

мигрантов Первой мировой войны в отечественной и зарубежной историографии. Следует согласиться с автором: при наличии некоторого числа региональных исследований целостного представления о коллизиях миграций, их влияния на общественно-экономическую и политическую жизнь России периода войн и революций не сложилось. Так, до сих пор не удалось установить общее количество депортированных русских подданных немецкого происхождения и евреев. В связи с этим вряд ли полностью справедлив авторский вывод о том, что интернирование и депортацию историки считают мерой правомерно обусловленной экстремальной обстановкой военного времени (С. 88). Во всяком случае, известно, что российская общественность в военные годы была достаточно далека от признания обоснованности принудительных выселений «враждебного» населения западных территорий. Массу критических отзывов вызывала организация помощи беженцам. Вместе с тем, автор справедливо отмечает, что на сегодняшний день фундаментальный вопрос о сравнительной характеристике положения беженцев и военнопленных в условиях царской и Советской России даже не ставился (С. 91).

Разобраться в данной ситуации И.Б. Беловой помогает основательная источниковая база. Сам по себе тот факт, что в общей сложности в работе использовано 100 фондов двух российских центральных (ГА РФ, РГВИА) и 7 региональных (Брянской, Воронежской, Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской областей) архивов, а также Национального архива Республики Беларусь, весьма впечатляет. Ничего подобного в существующей историографии, к сожалению, пока не наблюдалось. Большинство привлеченных диссертантом документов ранее не вводилось в исследовательский оборот. При этом источниковая база исследования четко структурирована: от официальных документов до материалов личного происхождения (особый интерес представляют воспоминания белорусских беженцев).

Особенностью использованных автором архивных фондов является введение в оборот материалов уездного и волостного уровней: протоколов собраний беженцев, заседаний их Советов, совещаний представителей местной администрации, затрагивающих их проблемы. Используются также материалы местной печати – не только светской, но и церковной. Вместе с тем, следует заметить, что в ряде случаев автор относится к характеристике тех или иных видов источников несколько формально, избегая критической их оценки. Источники, исходящие из среды вынужденных мигрантов, в любом случае оказываются эмоционально перенасыщенными. Как бы то ни было, можно согласиться с мнением автора, что привлеченные к исследованию источники «дают возможность воссоздать различные стороны взаимоотношений вынужденных мигрантов с властями, а также коренным населением в ходе деловых и неформальных контактов» (С. 118).

Во 2-й главе «Вынужденные мигранты Первой мировой войны в Российской империи. 1914 – 1917 гг.» последовательно систематизируются все категории вынужденных мигрантов. При этом автором последовательно рассматриваются процессы эвакуации и расселения беженцев из западных губерний в тыловых российских губерниях, осуществленные имперской властью до начала 1916 г.; проблемы обеспечения нужд беженцев в местах их временного размещения; особенности жизнедеятельности мигрантов, а также интернированного и депортированного из прифронтовых районов полиэтнического населения. Показано, что местное население особенно доброжелательно и сочувственно относилось к раненым военнопленным, особенно добросовестно трудившимся. Примечательно, что, вместе с тем, местная администрация в Центральной России предлагала направлять беженцев подальше – на восток – во избежание перенаселения центра (С. 132). Между тем известно, что между крестьянами и помещиками все чаще возникали конфликты из-за военнопленных – местные власти предпочитали направлять их крупными партиями в большие хозяйства. Характерно, что в

1917 г. беженцы сами стали требовать переотправки их в «хлебные» губернии (С. 140).

Следует указать, что со времени появления новаторской работы А. Н. Курцева в российской историографии все же получило преобладание «сострадательное» отношение к проблеме беженцев. Нельзя забывать, что стихийные потоки беженцев, как правило, материально необеспеченных, не могли не нанести урона хозяйству губерний, по которым они перемещались. Этот момент также следовало бы отметить в диссертации.

В 3-й главе, названной «Бывшие русские военнопленные Первой мировой войны в Советской России. Центропленбеж и его местные органы» рассматриваются, прежде всего, коллизии возвращения из плена солдат русской армии. Вместе с тем автор освещает агитационно-пропагандистскую работу большевиков среди мигрантов – как среди российских, так и среди подданных вражеских государств.

Как известно, советская историография уделяла значительное внимание проблеме так называемых интернационалистов – иностранных подданных (главным образом из числа пленных), вступивших в Красную армию из идейных побуждений (С. 49–57, 75–76). Автором справедливо указывается, что важнейшей целью большевистской пропаганды действительно была вербовка бывших военнопленных (как российских, так и иностранных) в ряды Красной армии (С. 229). Но она была отнюдь не столь успешной, как утверждалось ранее (С. 238–239).

Положение русских военнопленных за границей оказалось весьма сложным и трудным. Автор отмечает, что до 23 % их общей численности «возвращались в Россию самотёком либо в результате вступления в белую армию» (С. 204). Но вряд военнопленные отправлялись к белогвардейцам в тех масштабах, которые планировались американцами (25 тыс. для усиления «русской северной армии» и 40 тыс. – генералу Деникину) (С. 205). Количество бывших военнопленных в вооруженных силах Юга России было

ничтожным. Нельзя забывать, что к этому времени сказывалась колоссальная усталость комбатантов (всех воевавших стран) от войны.

Разумеется, Советская власть принимала декреты о вспомоществовании русским военнопленным-репатриантам. Но на практике причитающиеся им выплаты бывшие военнопленные чаще всего не имели возможности получить из-за отсутствия денежных средств. Не было также возможности получить соответствующий паек (С. 210–211). Данные о трудностях, с которыми столкнулись военнопленные, изложены в диссертации едва ли не наиболее полно и весьма впечатляюще.

Специальное внимание уделено автором вопросам, связанным с возвращением в Россию военнослужащих русского экспедиционного корпуса во Франции. Примечательно, что большевистские власти занялись сбором сведений о жестоком обращении с ними французских властей. Разумеется, соответствующие сведения были получены (С. 225). Но нельзя не учитывать, что пропагандистский материал такого рода в любом случае раздобыть было не трудно.

4-я глава «Военнопленные Четверного союза в Советской России (1917 – 1925 гг.)» посвящена анализу положения военнопленных, восприятию ими советской действительности, а также рассмотрению процесса возвращения их на родину (в 1918 – 1919 гг. выехало из России около 84 % военнопленных).

Вывод автора о том, что попытки центральной власти превратить русских военнопленных и беженцев с помощью политической агитации в «сознательных сторонников и защитников Советской республики, оказались практически безрезультатными» (С. 240, 245, 247), вероятно, нуждается в уточнении. Люди, одержимые идеей мировой революцией, среди них все же были. Тем не менее, вывод автора о том, что большевистская пропаганда не имела особого успеха, поскольку с лета 1918 г. положение вынужденных мигрантов стало просто катастрофическим, совершенно справедлив (С. 240). В общем, как военнопленным, так и беженцам, если и приходилось делать

вынужденный «политический» выбор, то, скорее всего, это происходило ситуационно, под давлением материальных условий, а не под воздействием какой-либо (в том числе и антибольшевистской) пропаганды (С. 247).

Диссертантом отмечается, что на положении беженцев основательно сказывались послевоенные международные отношения. В условиях Гражданской войны советское правительство настойчиво добивалось перемены военнопленными гражданства – с одной стороны, это освобождало власть от заботы по их репатриации, с другой – развязывало руки в деле агитации за вступление в Красную армию (С. 250–251). На конкретных примерах автором показано, что желающих поменять гражданство оказалось ничтожное количество (С. 252–253), вместе с тем резко выросло число военнопленных, скрывающихся от советских властей (С. 254–255). Среднее число военнопленных в центральных российских губерниях, вступивших в Красную армию, не превышало 1, 4 % от их общего количества (С. 259). Весьма интересен приводимый автором материал о Советах иностранных рабочих и солдатских депутатов, возникавших после известий о революции в Германии (С. 266). Обычно в существующей литературе указывалось лишь на солдатские Советы, возникавшие стихийно среди комбатантов Центральных держав в связи с известием о ноябрьской революции в Германии.

И. Б. Белова считает, что всего в красную и белые армии было привлечено 7 % от общего количества военнопленных, находившихся в России на январь 1918 г. (С. 270). Это принципиально важный вывод, поскольку антибольшевистская пропаганда уверяла, что в 1918 г. на стороне красных сражаются главным образом военнопленные – немцы и венгры. Впрочем, вопрос об общей численности иностранцев в рядах противоборствующих сторон в литературе до сих пор не решен: определенно можно говорить лишь о количестве так называемых белочехов. Важнее справедливое замечание диссертанта о том, что среди бывших военнопленных, вновь оказавшихся в армии, распространялись антивоенные

настроения, отмечался «упадок духа» и нарушения воинской дисциплины (С. 263). В мае 1919 г. была проведена мобилизация военнопленных венгров на помощь Советской Венгрии (С. 264–265). Судя по всему, многие из них использовали вновь открывшуюся возможность выбраться на родину.

В 5-й главе «Положение беженцев Первой мировой войны в 1918 – 1919 гг. Центропленбеж» основное внимание уделено деятельности общественных демократических организаций – Советов беженцев, а также взаимоотношение их с советскими эвакуационными органами.

Автор отмечает, что приход к власти большевиков вызвал неоправданные (и при этом весьма противоречивые) надежды беженцев – вероятно, сказывалась патерналистская психология. С января по апрель 1918 г. повсеместно прошли выборы в Советы беженцев, от губернских до волостных (С. 296). Разумеется, их возможности оказались ограничены. Тем не менее, наиболее интересный материал диссертации связан с показом деятельности беженских советов волостного уровня. Но она продолжалась лишь до середины лета 1918 г. К этому времени сложилась система советских эвакуационных органов, возглавляемая Центропленбежем. Наступил новый этап работы с этой частью вынужденных мигрантов.

С сентября 1919 г. самовольно едущих беженцев местные власти стали задерживать и направлять на принудительные работы. Разумеется, в условиях тогдашней разрухи ждать эффективной помощи беженцам со стороны государства не приходилось. Реэвакуация не могла быть выполнена на должном уровне как из-за разрухи на железных дорогах, так и из-за несогласованности работы советских ведомств (С. 302). Как результат, беженцам, не добравшимся до родных мест, приходилось менять место жительства ради заработка, заниматься мешочничеством и попрошайничеством. Местные органы то и дело действовали в обход центральных органов (С. 324). Оказывались безрезультатными многочисленные обращения беженских организаций и местных органов власти в центр по поводу оказания помощи.

В главе 6-й «Судьба беженцев в 1920 – 1925 гг. Центрэвак» последовательно рассматриваются результаты возобновления в 1920 г. реэвакуации беженцев. Показано, что деятельность государственных организаций вновь обнаруживала свою неэффективность, хотя они подверглись реорганизации. Впрочем, задачи, которые ставила перед ними центральная власть, постоянно менялись или корректировались.

По окончании Гражданской войны мигрантов пытались привлечь к восстановлению народного хозяйства. Центропленбеж превратился в Центрэвак – надо было вернуть беженцев согласно условиям международных мирных договоренностей. Вслед за тем на миграционные процессы существенно повлиял голод. Последовало стихийное перемещение не только беженцев, но и коренного населения Центральной России в юго-восточные губернии. Эти миграционные потоки пришлось легализовать тем более, что местные власти были заинтересованы в демографической «разгрузке» своих территорий. Возрастание объёма реэвакуационной деятельности отрицательно сказалось на организации этого процесса. Особый интерес вызывают приводимые автором материалы о злоключениях отдельных лиц и групп самодеятельных реэвакуантов.

В начале 1922 г. были ликвидированы уездные, а затем и губернские управления по эвакуации населения. К 1923 г. процесс упразднения эвакуационной службы завершился ликвидацией Центрэвака. Реэвакуацией стали заниматься губисполкомы под руководством эвакуационного отдела Наркомата внутренних дел. С 5 мая 1925 г. все беженцы становились советскими гражданами и могли выехать на родину только в общем порядке (С. 390). Автор подчеркивает, что реэвакуация основной массы российских беженцев растянулась на 7 лет (С. 392). Причины задержки многообразны: от нежелания большевиков оплачивать отъезд «ненужных» людей до административной неразберихи. Подчас и сами беженцы не могли сделать выбор. Стратегии выживания мигрантов менялись, проблема самоидентификации усложнялась.

В заключении автор делает вывод, что основные людские потери среди беженцев относятся к советскому периоду. Старая каритативная система не могла работать в «военно-коммунистических» условиях. Поворот к нэпу не кардинально не изменил ситуацию. Принудительный принцип политики по отношению к вынужденным мигрантам по-прежнему преобладал над организационно-распределительным.

В целом мы имеем по-настоящему новаторское исследование. Можно надеяться, что его появление изменит практикуемые ныне принципы подхода к проблематике беженства и плена эпохи Первой мировой войны. Не секрет, что всякая новая (и «модная») тема ныне «зауживается»: исследователи, как правило, используют 2 – 3 фонда местных архивов и спешат с некими «генерализациями». Остается только сожалеть, что на фоне подобных «показушных» работ данное исследование выглядит излишне скромно: автор не спешит с обобщениями, хотя подчас они напрашиваются сами собой.

Конечно, всякая масштабная работа не лишена «мелких» недостатков. Так, меня не особенно устраивает недостаточно гибкий стиль изложения. Можно упрекнуть автора и в чрезмерном доверии к конкретным – на деле разнородным – источникам (часто они противоречат друг другу). В диссертации относительно слабо представлена мемуарная литература – пусть касающаяся положения дел в других регионах, но помогающая понять напряженность и драматизм ситуации. Разумеется, все это не умаляет заслуг исследователя, в полном смысле выступившего в роли первопроходца изучения *вынужденных мигрантов*.

Все вынесенные на защиту положения убедительно обоснованы и прошли соответствующую апробацию. Итоги исследования отражены автором в 2-х монографиях, 35 научных статьях, 16 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях ВАК. Содержание автореферата соответствуют основным положениям диссертации.

Таким образом, диссертация И. Б. Беловой «Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг.

(По материалам Центральных губерний Европейской России)» (Брянск, 2015), представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук (специальность 07.00.02), полностью соответствует требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г., № 842 ВАК РФ, предъявляемым к диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. На этом основании считаю, что И. Б. Белова заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра изучения новейшей истории России и политологии
ФГБУН «Институт российской истории РАН»

Владимир Прохорович Булдаков



Почтовый адрес: 117036, Москва, Дм. Ульянова, 19, Институт
русской истории РАН,
Тел.: 8 (499) 126-94-88
E-mail: kuroneko@list.ru

6 апреля 2014 г.

